УДК 811.161.1(091) DOI 10.25986/IRI.2026.104.2.014

С. В. Бачинский
Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия. svbach@mail.ru
ORCID 0009-0006-1343-6809

В ПОИСКАХ ПОДЛИННОГО ВОПРОСА: О ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

Исследование посвящено вопросительным конструкциям в текстах древнерусских берестяных грамот. В первой части работы рассматривается соотношение грамматики и семантики заданных на бересте вопросов, подавляющее большинство которых оказывается риторическими. Предлагается попытка разделения вопросительных конструкций на несколько характерных для исследуемого корпуса семантических типов, особое внимание уделено словам, моделирующим вопрос. Вторая часть представляет собой обзор грамматически побудительных конструкций, содержащих косвенные вопросы и обладающих, по мнению автора, подлинной вопросительной семантикой.
Ключевые слова: берестяные грамоты, вопросительные конструкции, риторический вопрос, косвенный вопрос, подлинный вопрос

В работе использованы результаты проекта «Язык, литература, культура в историческом и социальном измерении», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г. Автор выражает глубокую благодарность А. А. Гиппиусу за консультации при подготовке данной работы.

§ 1. К настоящему времени найдено около 30 берестяных грамот с грамматически выраженными вопросительными конструкциями. Поскольку в древненовгородском письме отсутствовали какие-либо знаки препинания, маркирующие соответствующую интонацию, вопрос должен был либо начинаться с вопросительного слова (местоимения, местоименного наречия), либо моделироваться с помощью вопросительной частицы. В целом это характерно для всех древнерусских текстов [Колесов, с. 414].

Но мы знаем, что далеко не каждый вопрос обладает истинной вопросительной семантикой. В 1978 г. А. А. Зализняк в статье «Текстовая структура древнерусских писем на бересте» предложил анализ берестяной грамоты № 605 (XII_1) от Ефрема к Исухии, текст которой заканчивается следующим пассажем[1]: «…А чемоу сѧ гнѣваеши? А ѧ вьсьгда оу тебе, а соромъ ми, оже ми лихо мълвлѧше. И покланѧю ти сѧ, братьче мои, то си хотѧ мълви. Ты еси мои, а ѧ твои». «Фраза *а чемоу сѧ гнѣваеши,* – пишет А. А. Зализняк, – является упреком, а не подлинным вопросом. В целом письмо представляет собою жанр *упрека* (в данном случае мягкого) (курсив в цитате наш. – *С. Б.*)» [Зализняк 1987, с. 179].

Похожее на принадлежащее А. А. Зализняку рассуждение встречаем и у А. А. Гиппиуса, комментирующего грамоту № 156 (XII). Текст грамоты: «Отъ Завида къ мън къ женѣ и къ дѣтьмъ. А женоу ти били, не измоучили чего же? (между строк) Къ Лоукѣ иди». По мысли исследователя, это письмо Завида к сыновьям, избившим свою мачеху. «Продолжение фразы *не измоучили чего же,* – пишет А. А. Гиппиус, – может быть понято в этом контексте как облеченная в форму риторического вопроса *издевка и угроза* (курсив в цитате наш. – *С. Б.*)» [Гиппиус 2004, с. 216].

Итак, вопрос в грамоте № 605 – не подлинный вопрос, а упрек, в грамоте № 156 – это тоже не подлинный, а риторический вопрос, выражающий издевку и угрозу. Чтобы разобраться в том,

[1] Тексты цитируемых берестяных грамот взяты с ресурса gramoty.ru (дата обращения 29.04.2025). В скобках указана примерная стратиграфическая дата (век), нижний индекс означает, к какой половине указанного века относится грамота. В некоторых случаях приведены переводы текстов на современный русский язык.

Бачинский С. В. В поисках подлинного вопроса: о вопросительных конструкциях в берестяных грамотах// Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2026. № 2 (104). С. 164–176.

много ли риторических и подлинных вопросов в корпусе берестяных грамот, сначала кратко опишем смысловые различия между ними.

§ 2. Анализируя структуру берестяных писем, А. А. Зализняк пользуется понятием «речевого жанра», упоминая, в частности, статью А. Вежбицкой «Жанры речи», опубликованную в сборнике «Tekst i zdanie» [Wierzbicka]. В данной работе, как пишет А. А. Зализняк, «автор разбирает 38 речевых жанров, подчеркивая, что этот список заведомо неполон» [Зализняк 1987, с. 160]. Статья А. Вежбицкой заинтересовала нас тем, что, помимо перечня речевых жанров, в ней также предлагается методика описания их семантики. В основе этой методики – анализ различных моделей высказываний путем вербализации нескольких смысловых компонентов, главными из которых нам представляются *коммуникативная цель (я хочу…)*, *когнитивные позиции автора (я знаю, думаю…)* и *их проекции на адресата (ты знаешь, думаешь…)*. Иногда к ним добавляется еще и *экспрессивный фон (я чувствую…)*. «Чтобы определить речевые жанры в экспликационной модели, – пишет А. Вежбицкая, – нужно прежде всего выделить основную *коммуникативную цель* (курсив наш. – *С. Б.*) каждого жанра (такую как: “хочу, чтобы ты это сказал” для вопроса, “хочу, чтобы ты это сделал” для приказа, “хочу, чтобы ты смеялся” для анекдота, “хочу, чтобы ты это знал” для лекции и т. д.). Но выделение “иллокутивных целей” – это только первый шаг анализа. Следующий его шаг – это полное разложение всех жанров на конституирующие их мотивы, эмоции, позиции и т. д.» [Wierzbicka, s. 135]. Вот, например, как А. Вежбицкая характеризует жанр вопроса, – речь идет о том самом подлинном вопросе, семантика которого нас интересует:

«ВОПРОС

хочу, чтобы ты представил себе, что я не знаю того, что знаешь ты, и что ты хочешь мне это сказать

говорю это, потому что хочу, чтобы ты мне это сказал» [Wierzbicka, s. 129].

Мы видим, что, согласно А. Вежбицкой, вопрос как речевой жанр содержит в себе не только побуждение адресата к ответу, но и (в первую очередь!) желание автора *получить ответ*.

§ 3. Риторический вопрос, не требующий, как известно, ответа, побуждение к ответу, тем не менее, содержит: речь идет о *внутреннем ответе* адресата *самому себе*. В этом отношении риторический вопрос представляет собой разновидность *косвенного речевого акта*, то есть такого акта, в котором, по мнению Дж. Серля, «один иллокутивный акт[2] осуществляется опосредованно, путем осуществления другого»[3] [Серль, с. 196]. Эта характеристика, на наш взгляд, вполне подходит к риторическому вопросу: при его употреблении цель автора – посредством побуждения адресата к ответу (промежуточная иллокуция) – донести до него некое мнение, суждение или побуждение к действию, что должно, в свою очередь, вызвать определенную реакцию адресата (главная иллокуция, направленная на достижение коммуникативной цели). Автор провоцирует появление ответа, не нуждаясь при этом в его трансляции. То мнение, суждение или побуждение, которое автор хочет донести до адресата, должно, по замыслу задающего вопрос, родиться как бы само, прийти к адресату как *внутренний ответ*. И такой способ доведения информации, по всей видимости, должен обладать большей силой, большей убедительностью, чем прямое высказывание. Ведь не случайно этот тип вопроса назван «риторическим», то есть таким, который ритор использует в качестве особого приема убеждения своей аудитории.

[2] *Иллокутивный акт* – понятие, введенное в научный оборот основоположником теории речевых актов Дж. Л. Остином. Первоначально Дж. Л. Остин определил иллокутивный акт как «осуществление какого-то акта *в ходе* говорения в противоположность действию *самого* говорения» [Остин, с. 87].

[3] Характеризуя косвенные речевые акты, Дж. Серль пишет: «Иногда говорящий произносит предложение, имея в виду непосредственно то, что он говорит, и одновременно имея в виду другую иллокуцию с другим пропозициональным содержанием» [Серль, с. 195].

§ 4. Перейдем к конкретным случаям. Отталкиваясь от приведенных выше примеров (грамоты № 605 и 156), начнем с риторических вопросов, выражающих в берестяных грамотах *упрек и угрозу*. Разница между этими жанрами не всегда очевидна, поскольку упрек часто склонен имплицировать компонент угрозы и наоборот. К тому же, читая текст на бересте, мы, как правило, не знаем деталей ситуации, в которой он пишется. Иными словами, мы не обладаем тем набором сопутствующих фактов и установок, необходимых для понимания берестяной грамоты, который А. А. Гиппиус назвал *фоновым знанием* [Гиппиус 2004, с. 184]. Поэтому мы воздержимся здесь от четкого разграничения жанров упрека и угрозы; заметим только, что их объединяет компонент *недовольства* автора поведением адресата. Коммуникативной целью при этом может быть как сообщение (донесение адресату этого недовольства), так и побуждение к действию.

Кроме уже упомянутых грамот № 605 и 156, такого рода вопросы мы встречаем в ряде текстов, при этом причины недовольства автора можно свести к следующим: а) *непредоставление товара, вещи, коня* (№ 644, 548, 272, 1113, Ст. Р. 30); б) *задержка денег* (№ 804, 1138, 1031); в) *отношение адресата, не соответствующее ожиданиям автора* (№ 752, 605); г) *чье-либо предосудительное поведение* (№ 954, 755, 831). Ниже разберем примеры.

Непредоставление товара, вещи, коня:

№ 644 (XII_1): «Ѿ Нѣжеке ко Завидѹ. Чемоу не восолеши чето ти есемо водала ковати? А дала тобѣ, а Нѣжатѣ не дала…» Грамота начинается риторическим вопросом, и смысл его таков: «Ты не присылаешь мне мой заказ, и я этим недовольна». Этот вопрос, как нам кажется, сразу же задает тон упрека письму Нежки, полному негодования. А завершает послание довольно жесткое, на наш взгляд, требование, сопровождаемое угрозой разрыва отношений: «…А не сестра а вамо, оже тако дѣлаете, не исправить ми ничето же! А во три колотокѣ вокѹе то ти 4 золотьникѣ во кольцю тию». Поэтому мы уверены, что Нежка ждет от Завида не грамоту с ответом о причинах задержки изделий, а сами изделия.

№ 548 (XII_2): «(Ѿ) ----бъга къ Моиславоу и къ Миките. Цьмоу бра(те) (–) (Ба́ не б)ъишиса? А а вьде, ожь а васъ есте тъваръ Ольскы(нъ). А азо не едино былъ – Арамиръ а инихо моуже 3 ------ъ. А правите имъ тъваро, Ба́ са боаць». Перевод: ‘От …бога к Моиславу и к Миките. Почему ты, брат, [Бога не] боишься? Я же знаю, что у вас есть товар Олески (Олексы) ({или:} я же знаю, что товар Олескин у вас). А я не один был, [когда видел это], – [был еще] Яромир и трое других мужей… ({вероятно:} уличан, рушан и т. п.). Так отдайте же (доставьте же) им товар, побойтесь Бога’ [Зализняк 2004, с. 403]. В этом вопросе тоже слышатся упрек, обвинение и скрытая угроза. А цель его становится окончательно ясной из резюмирующего письмо побуждения (*а правите им товаро*).

№ 272 (XIV_2): «Ѿ Савлиа ко Максиму. Како стоа пришли конь. Цему ма єси погубиль? Въ другы радъ рать ударила подо Копорию, а а безъ другого коня животъ пометаль, а иноє розрональ. А нонѣ пришли…» В данном тексте выраженный в форме вопроса упрек следует сразу после побуждения и, кажется, подчеркивает его категоричность.

Задержка денег:

№ 1138 (XII_1): «Ѿ Селефонта къ Спирку. Что ѥси заповѣдалъ с полу рубла, чему еси не прислалъ?» Перевод: ‘От Селефонта к Спирку. [Те деньги] с половины рубля, о которых ты объявил, почему до сих пор не прислал [их]?’ [Гиппиус 2022, с. 11]. Полагаем, что Селефонта больше интересуют деньги, чем причина их задержки.

№ 1031 (XIV_2): «Отъ Нѣжька къ Боудъкоу. Цемоу дьрьжиши коунѣ? А а на тобѣ емлю коунѣ. Оу Хотоурѣ еси казалъ, а тъ не въделе. Съ Гюръкъмъ еси присълале, а те не вьдале. 10 грв҃нъ лежить въ треть. Паробъкъ еси одьрьнь вьдале, а нынѣ са выпирае на пати грв҃нъ. А промышлеи: то ли твоа бологодѣть мнѣ, цьто ми соули?» В своем послании Будку Нежко употребил два ри-

торических вопроса, объединенных общей коммуникативной целью – заставить Будка вернуть причитающийся долг. Императив *промышлеи*, вводящий финальный вопрос, здесь эксплицирует промежуточную цель – побуждение адресата к *внутреннему ответу*, о чем мы говорили, анализируя семантику риторического вопроса. По замыслу автора, через размышление Будко должен сам прийти к пониманию, что поступает нехорошо, и вернуть должное.

Оригинальную по-своему форму риторического вопроса-упрека (не с начальным *чемоу*, а с частицей *ли*) встречаем в грамоте № 804 (XII$_2$): «Отъ Незнанъка къ Рюрѣ. Хоцеши ли платити 6 гривьнъ? Али не хочеши, а поеди въ городъ». Перевод: ‘От Незнанка к Рюре. Собираешься ли платить 6 гривен? Если не собираешься, то поезжай [на суд] в город’ [Зализняк 2004, с. 391]. Начальная фраза внешне выглядит как настоящий вопрос. Мало того, мы допускаем присутствие в ней некоторой доли собственно вопросительной прагматики (возможно, Незнанко действительно желает узнать, нельзя ли получить причитающееся без судебных процедур). Но по своей семантической структуре грамота в целом напоминает требование с указанием последствий невыполнения требуемого автором действия (жанр угрозы, ср. с № 241, 246). Смысл ее примерно таков: «если не заплатишь 6 гривен, через суд потеряешь намного больше». Поэтому вопрос в этой грамоте мы считаем составной частью угрозы и тоже относим к риторическим.

Отношение адресата, не соответствующее ожиданиям автора:

№ 752 (XII$_1$): «…А въ сю недѣлю, цьтъ до мьнь зъла имееши, оже еси къ мънѣ нь приходилъ? А ѧзъ тѧ есмѣла акы братъ собѣ! Ци ouже ти есмь задѣла сълюци?..» Перевод фрагмента: ‘…Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посылала [к тебе]?..’ Опираясь на приведенный перевод [Зализняк 2004, с. 250], мы имеем два риторических вопроса, объединенных общим смыслом: «Ты по какой-то причине ко мне не ходишь, и я очень недовольна этим». Слова, моделирующие здесь вопрос, уникальны для найденных на данный момент берестяных текстов: *что зла имееши* (‘какое зло имеешь?’) и *ци оуже* (‘неужели’).

К этому же типу недовольства мы можем отнести и грамоту № 605, упомянутую в начале работы. В ней вопросительное *чемоу* начинает вопрос-упрек, как и в большинстве других случаев.

§ 5. Особого внимания заслуживают тексты, в которых риторический вопрос открывает или продолжает прямую речь. При этом для ранних грамот характерно, что вводит ее глагол *молвити.*

№ 954 (XII$_1$): «…Мльви Шильцеви: “Цемоу пошибаеши свиньѣ цюжѣ? А пь и села Нъдрька. А еси посоромилъ коньць въхъ Людинь…”»

Ст. Р. 30 (XII$_2$): «…А молови Потру: “Камо еси дело два воза суща? Исоправи. Не исоправищи ли, а сто гривено за два воза…”»

№ 1113 (XII$_2$): «…Створита добро, моѧ падцерица на Радѧтинѣ оулице, а мълвита: “Посли, вороже, цужу хълъстиноу! Мнѣ нынѣ платити 18 коунъ, а тъщѣ роукѣ. А оно ти еси вылгала оу Иванка гривноу – а на то любо си золотникъ присли Полѣпѣ. Цемоу тобѣ тако дѣѧти? Не ослоушаи же сѧ, посли въ бързѣ”». Перевод: ‘Сделайте милость, моя падчерица [находится] на Радятине улице, скажите [ей]: “Пошли, вражина, чужой холст: мне нужно сейчас заплатить 18 кун, а я с пустыми руками. А что ты обманом выпросила у Иванка гривну – так пришли с того хоть золотник Полепе. Зачем тебе так поступать? Не ослушайся, пошли же скорее”’ [Гиппиус 2019, с. 61]. А. А. Гиппиус обращает внимание на сочетание здесь вопросительного *чему* с инфинитивом, при том что в остальных древнерусских примерах в качестве сказуемого выступает индикатив. «Возможность сочетания с инфинитивом, – пишет А. А. Гиппиус, – отличает от вопросительного слова *почему* вопросительное слово *зачем*. Этот смысловой оттенок выдает

“превентивный” характер упрека: падчерице ставится в вину не то, что она сделала или делает, а то, что она может не сделать – потенциальное невыполнение требования мачехи» [Гиппиус 2019, с. 64].

Глагол *воспроситu*, вводящий прямую речь с риторическим вопросом, мы встречаем только в одном позднем тексте:

№ 755 (XV): «…Wлекъсѣи ѥго воспроси: “Цому молотишь безъ нашихъ сиротъ? А намъ в землѣ половина а верьши цасть…”»

Отдельно стоит сказать о грамоте № 916 (XIII$_2$): «Си глт҃ь Есиѳо (ко) дьвць: “Марие! Цто дьло се, ежь тьбь вижю? Ньдоꙋмью, и дивлюсѧ, и ꙋмомь ꙋжѧсаюсѧ!..”» Перед нами случай, когда упрек, выраженный в форме риторического вопроса, попадает на бересту из готового церковного текста. Даже при том что, как выяснила М. А. Бобрик, новгородская версия имеет некоторые отличия от канонических, риторический вопрос в ней сохранился сообразно не только церковнославянскому, но и греческому оригиналу цитируемой стихиры [Бобрик 2008, с. 249–251]. Поэтому этот текст мы выносим за рамки нашего исследования.

§ 6. Интересны случаи выраженной с помощью риторического вопроса *декларации*:

№ 933 (XV): «Приказъ ѿ (посадн)ика ѿ Ивана к игумну и ко всему стаду. По цто намъ ѥ{д}здити ѿ васъ на посельѥ, аже нмъ земли не досмотрить, сиротъ не росмотритъ?» Вопрос, заданный в этом тексте, кажется, уже содержит в себе ответ, причем в рамках одной сложной клаузы. Формально жанр послания, кажется, определен в адресной формуле *приказъ*, что в данном случае по значению близко к ‘наказ, распоряжение, приказ’[4]. А. А. Зализняк считает, что это ответ посадника на просьбу игумена направить своих людей (или даже съездить самому) в монастырское село для разрешения какого-то спорного дела [Зализняк 2004, с. 675]. Как видим, посадник отвечает на просьбу отрицательно, объясняя нецелесообразность идеи игумена при помощи риторического вопроса.

№ 749 (XIV$_2$): «…Что ѥсмь передъ вами говорилъ, ісправи слово то: ты моі братъ во что - - (ѥ)си надобѣнъ!..» Перевод: ‘…Что я перед вами говорил, это [мое] слово ты исполни: ты мой брат, для чего же [еще] ты и нужен!..’ Это похоже на риторическое восклицание, что исследователи и отразили в предлагаемом переводе [Зализняк 2004, с. 635]. Но конструкция *во что* (близкая к *по что* в грамоте № 933) склоняет нас к мысли о применении здесь риторического вопроса с декларативной целью (‘Ты мой брат, следовательно, нужен для того, чтобы исполнить мое слово’).

§ 7. Обратим внимание на текст, актуальный перевод которого содержит вопрос, однако его наличие вызывает у нас сомнения. Речь идет о грамоте № 238.

№ 238 (XII$_1$)*:* «…Несъдицеви полъ пѧтѣ рѣзанѣ, а (мъ)нѣ еси въдале дъвѣ коунѣ. Цьто же за мъ(но)ю твориши за мъною осмь коунъ и гривьна? Поиди же въ горо(дъ) – могоу сѧ съ тобою ѧти на водоу». Перевод: ‘…[Ты дал (?)] Несдичу четыре с половиной резаны, а [мне] ты дал две куны. Что же ты утверждаешь, будто за мной восемь кун и гривна? Пойди же в город – могу вызваться с тобой на испытание водой’ [Зализняк 2004, с. 259]. Переводчики грамоты усмотрели здесь вопрос, начинающийся с вопросительного *что* со значением причины. Однако из приведенных выше примеров мы видим, что в подавляющем большинстве каузальных вопросов авторы используют *чемоу*. В то же время с относительного местоимения *что* часто (согласно нашим подсчетам, примерно в половине случаев) начинаются конструкции введения темы типа

[4] О значениях слова *приказъ* в адресных формулах см.: [Зализняк 1987, с. 151].

что касается X[5]. Если бы мы допустили, что в данном случае это тоже так, то грамоту № 238 можно было бы прочитать и следующим образом: ‘…[Ты дал (?)] Несдичу четыре с половиной резаны, а [мне] ты дал две куны. Что же касается твоего утверждения, будто за мной восемь кун и гривна, пойди в город – могу вызваться с тобой на испытание водой’.

Единственный на данный момент случай употребления на бересте вопросительного *что* для моделирования каузального вопроса мы допускаем лишь в грамоте № 831 (XII): «…А сь еси поѧлъ оу мьне роубоу и паръбоко восьми гривьно, а дроугоую робоу во довоу гривьноу – да бласлои тѧ Бо́го. А сь на мѧ чето воздираеши и на мое дети? Кото ли на мѧ тѧжоу дьеть ----------тѧ Бъ̑ пострьчьть оужь на мѧ и на мое дети…» Перевод: ‘И вот [еще] ты забрал у меня рабыню и юношу-раба [совокупной] ценой в семь гривен и другую рабыню ценой в две гривны. Но [это] – благослови тебя Бог. А вот зачем ты придираешься ко мне и к моим детям? Если кто-то заводит тяжбу против меня [и моих детей, – упаси (?) тебя Бог] – это он уже подстрекает [тебя] против меня и моих детей…’ [Зализняк 2004, с. 303]. Если *что* (в значении ‘почему’) в данном тексте действительно начинает вопрос (с семантикой упрека), то этот случай можно назвать уникальным для всего корпуса берестяных грамот. Примечательно, что вопросительное слово стоит здесь не в начале клаузы, выражающей упрек. Исходя из этого можно предположить, что в берестяных грамотах начальное *чемоу* было шаблонным для упрека, но в то же время в спонтанной речи могло использоваться и *что,* проникшее в данном случае и в письменный текст.

Разбор грамоты № 622, возможно, тоже содержащей вопросительные конструкции, мы не включили в исследование из-за большого количества лакун.

§ 8. Среди риторических вопросов часто встречаются *косвенные просьбы*, которые обычно предваряются жалобой, развернутой в экспозиции письма. В большинстве случаев речь идет о крестьянских челобитных конца XIV – XV в., завершающихся вопросом: «како о насъ (о мнѣ) попечалуеши?», «какъ, господине, о томъ укажеши?» и проч. Эта косвенная просьба, представленная в виде вопроса, как нам кажется, приобрела в указанную эпоху определенную конвенциональность. О подобных случаях писал Дж. Серль: «…Некоторые предложения уже стали, видимо, конвенциональными средствами выражения косвенных просьб. Например, в случае предложений типа “Можете ли вы достать соль?” или “Я был бы вам признателен, если бы вы сошли с моей ноги” требуется некоторая изобретательность, чтобы представить себе ситуации, в которых данные высказывания не были бы просьбами» [Серль, с. 196]. Такая конвенциональная косвенная просьба, грамматически облеченная в вопрос, вполне соответствует стилю челобитных, для которых вообще характерно употребление устойчивых формул. Сюда же отнесем и грамоту № 49, представляющую собой не челобитную, а личную просьбу о помощи. Тем не менее она тоже относится к XV в., и в ней мы видим такого же типа косвенную просьбу, что и в челобитных:

№ 49 (XV): «Поклонъ ѿ Ностасьи къ гн̑у къ моѥи къ бъратьи. Оу мене Бориса в животѣ нѣтъ. Какъ се, гс̑до, мною попецалуѥте и моими дѣтми?»

Еще несколько примеров косвенной просьбы:

№ 698/699 (XIV): «Поклоно ѿ Евана ко Сидору. Гахоне твои землю пѣсьѧнескую роздавале посадничимо людемъ, и посадничѣ люди, землю поѡрав, да росокладеную межю содралѣ. А того люче – Василеи пограбиле землю со своимо изореникомъ. Како печѧлуешь ѡ своеи ѡчинѣ?» Перевод: ‘Поклон от Ивана Сидору. Гахон твой песьянскую землю пораздавал посадничьим людям, и посадничьи люди землю распахали и раскладную межу уничтожили. А еще

[5] Например, в грамоте № 582 (XIII_2): «Чето еси прислале дова целoвека, те побегли, а коне не ведаю, гдѣ поимавоши. А Тимонѧ меретве».

того хуже – Василий со своим изорником землю пограбил. Как позаботишься о своей вотчине?' [Зализняк 2004, с. 608].

№ 242 (XV): «Цолобитьє ѿ Кощѣя и оѿтъ половниковъ. У кого конѣ, а тѣ худѣ, а у ныхъ нѣть. Какъ, осподине, жалуєшь хрѣстьянъ?..»

№ 301 (XV): «Осподиню Михаилу Юрьвицу, синю посадницу, паробокъ твои Кла цоло биє. Како, осподине, пожалуєши волости? Половина пуста, и которъ осталиса, и ти хота жалуби, хота, осподине, жалоби, цо би, осподине, подати оубавити. А тоби, своєму осподиню, цоломи бию».

Кроме приведенных выше примеров, речь идет также о грамотах № 302 (XV), 304 (XV), 310 (XV), 466 (XV), 962 (XV), 963 (XV).

§ 9. Речевой жанр подлинного вопроса, то есть случай, в котором коммуникативная цель – получение автором ответа – совпадает с вопросительной грамматикой, нам удалось обнаружить лишь в двух берестяных грамотах. Первая из них – грамота № 657:

№ 657 (XII_2): «Поклана̀ние ѿ Пелаге ка Аѳимие. Сь Сѓее дьла Варъвре вьверице твое въ городь ѿ Домацка; а оу Жирослава соуть. А потоснися въ городъ. А Сѓье Варъварь тьлица сторова ли?» Перевод: 'Поклон от Пелаги Офимье. Вот, деньги твои от Домачка, [предназначенные] для [монастыря] святой Варвары, в городе; а лежат у Жирослава. Поспеши же в город. А телка святой Варвары здорова ли?' [Зализняк 2004, с. 397]. Похоже, Пелагу действительно интересует здоровье телки, поскольку, будучи собственностью монастыря, она находится на передержке у адресата [Зализняк 2004, с. 397].

На место в ряду подлинных вопросов, казалось бы, могла претендовать и фраза из грамоты № 415. Вот ее текст с принятым на данный момент переводом:

№ 415 (XIV): «Поклоно ѡ Ѳовронее к Ѳиликсу с плацомо. Убиле ма пасынке и выгониле ма изо двора. Велише ми ехате в городо? Или самь поеди семо. Убита есемо». Перевод: 'Поклон от Фовронии Филиксу с плачем. Избил меня пасынок и выгнал со двора. Велишь ли мне ехать в город? Или сам приезжай сюда. Я избита' [Зализняк 2004, с. 546]. Если бы мы могли, не сомневаясь, принять этот перевод, то грамота стала бы третьей в списке подлинных вопросов (вернее, даже первой – по времени находки). Но сомнения всё же остаются, поскольку, во-первых, это был бы единственный случай употребления вопроса без вопросительного слова или частицы, во-вторых, здесь индикатив *велишь* не очень хорошо сочетается с императивом *поеди.* Смысл посыла Фовронии мы склонны понимать так: «Вели мне ехать в город или сам приезжай сюда, потому что я избита». Учитывая возможность мены *ж/ш* (например, если допустить, что Фоврония диктовала текст грамоты писцу, а он допустил ошибку, на слух перепутав буквы), вполне вероятно, что фраза на этапе замысла звучала так: «Вели же ми ехате в городо или самь поеди семо».

Таким образом, до недавнего времени текст грамоты № 657 был единственным (!) уверенно устанавливаемым случаем употребления в берестяных грамотах подлинного вопроса, то есть таким случаем, когда вопросительная грамматика соответствует вопросительной прагматике. Однако находки 2024 г. дали нам еще один пример:

№ 1188 (XIII): «Ѿ Онодроника ко Микоше. Комѹ велишь водати полѹторе гр҃вене? У мене проси Твередила, а а не водале. А ты кажи борозо, комѹ водати – а на мене настѹпаете». Вопрос Ондроника вызван желанием срочно получить от Микоши инструкцию, кому дать деньги. Это подтверждает и резюмирующий ход *кажи борзо, комѹ водати.* Коммуникативная цель – ответ адресата – выражена повторно, и на сей раз в виде *косвенного вопроса* с вводным императивом

кажи. А это, как будет видно ниже, основной способ добиться ответа на поставленный вопрос в берестяной переписке.

Таблица 1

Вопросительные конструкции в берестяных грамотах

	Тип вопросительной конструкции по значению			
Вопросительное слово	*Угроза, упрек*	*Декларация*	*Просьба*	*Подлинный вопрос*
что	831 (?)			
чемоу	605, 644, 548, 272, 1138, 1031(1), 954, 1113, 755			
чего (же)	156			
что (зла имееши)	752(1)			
по что		933		
во что		749		
комоу				1188
ли	804, 1031(2)			657
ци (оуже)	752(2)			
камо	Ст. Р. 30			
како			698/699, 310, 49, 963, 242, 301, 302, 304, 466, 962	

§ 10. В работе «Текстовая структура древнерусских писем на бересте» А. А. Зализняк заметил: «Характерной текстовой особенностью берестяных писем является то, что в них *почти*[6] (курсив наш. – *С. Б.*) не встречается подлинных вопросов (т. е. нет речевого жанра вопроса)… Там, где мы могли бы ожидать подлинного вопроса (т. е. требующего ответа), авторы берестяных писем обычно используют побудительную конструкцию в сочетании с косвенным вопросом, т. е. как бы обнажают тот элемент побуждения к ответу, который заложен в любом подлинном вопросе (например, *а пришлите ми грамотицу, сторови ли есте*). Можно думать, что такое «разложение» вопроса тоже в некоторой мере связано с практичностью мышления автора берестяного письма: он сразу же предусматривает реальный способ, которым он сможет получить ответ» [Зализняк 1987, с. 181–182].

С момента написания упомянутой статьи А. А. Зализняка прошло почти 40 лет. И если ее автору не удалось обнаружить подлинного вопроса в берестяных письмах, то только потому, что на момент ее написания не были найдены грамоты № 657 и 1188, а грамота № 415, видимо, так же как и у нас, вызывала у ученого сомнения. Однако нам не совсем понятно, почему А. А. Зализняк не стал причислять «побудительные конструкции в сочетании с косвенным вопросом» к речевому жанру вопроса. Ведь экспликация действия, сопутствующего ответу, не отменяет основной коммуникативной цели спрашивающего. Применительно к современному русскому языку Л. Ф. Бердник приводила в свое время следующие рассуждения:

[6] Слово *почти* в приведенной выше цитате мы склонны понимать так, что некоторые риторические вопросы всё же содержат элемент истинно вопросительной прагматики, однако этот элемент вторичен, он уступает основному целеполаганию фразы.

«Вопросительное предложение уже по своей природе близко к побудительному, так как содержит волеизъявление, побуждая к ответу, но это побуждение к особому действию – речевому. Ср.:

Куда ты идешь? – Скажи, куда ты идешь.

Что ты делаешь? – Скажи, что ты делаешь.

Значение этих предложений – вопросительное. Но в одном случае это значение получает грамматикализованное выражение при помощи вопросительной структуры с вопросительным словом, а в другом – вопрос выражен лексически – глаголом со значением речи в повелительном наклонении. Побудительную фразу типа "*Скажи мне…*" можно подставить практически к любому вопросу. Но употребление побудительной части является избыточным, поскольку вопрос своей формой сам побуждает собеседника к ответу, хотя подобные "избыточные" побудительно-вопросительные конструкции встречаются довольно часто. Они усиливают вопрос, подчеркивают его, требуют обязательного ответа…» [Бердник, с. 88].

§ 11. Достижение коммуникативной цели – получения автором ответа – лучше всего иллюстрирует грамота № 736. Она состоит из двух текстов, написанных на разных сторонах бересты (№ 736а и 736б), представляя собой косвенный вопрос (№ 736а) и ответ от него (№ 736б).

№ 736а (XII$_1$): «Отъ Ивана къ Дристьливоу. Аже то намъ възѧле еси Павьловъ, (а) на Прокопьѣ възѧти. А възѧле ли еси, а възьми и за--доу-е. А възѧле, а (пр)исъли такоую же вѣсть сѣмо, ци есть саме въхоу лихвоу въдале». Перевод: 'От Ивана к Дристливу. Если ты взял Павловы проценты, то [нужно] взять у Прокопьи. Если же ты [уже] взял, то возьми… ({возможно:} также и для Завида). Если же [и это] взял, то пришли сюда весть также о том, отдал ли он сам всю лихву' [Зализняк 2004, с. 264].

№ 736б: «Отъ Дристива къ Виваноу. Не възѧле есмь ни вѣкъшѣ, ни видалъ его. Толико възѧлъ есмь ѫ Прокопьѣ, възѧлъ без ногатѣ гривьнѫ». Перевод: 'От Дристива к Ивану. Я не взял ни векши и [даже] не видал его. Я взял только у Прокопьи, [а именно], взял без ногаты гривну' [Зализняк 2004, с. 264].

Как мы уже отмечали, собранный на данный момент материал вызывает предположение, что самым верным способом добиться получения интересующей информации в берестяной переписке было использование *косвенного вопроса*, то есть такой сложной конструкции, при которой сам вопрос уходил в зависимую клаузу (придаточное изъяснительное), а действие, сопутствующее предполагаемому ответу, эксплицировалось в предикате главной клаузы, которая могла располагаться как до, так и после зависимой. При этом вопросительное слово (местоимение или местоименное наречие, при его наличии) релятивизировалось, то есть переходило в разряд относительных.

§ 12. Императив, вводящий косвенный вопрос, относится к одному из следующих типов по значениям: а) *сообщи*; б) *дай (пришли) весть*; в) *напиши (пришли, пошли) грамоту.*

Приведем примеры косвенных вопросов с вводным императивом семантического типа *сообщи*:

№ 672 (XII$_2$): «…и Оркадь вьльли бь себь жьнитисѧ. Нь вода ------[ь]го. А повьжь, и оу Твьрдѧть чьт[о сѧ] ѧло коуно». Одна из версий перевода финальной фразы: 'А скажи (доложи) также и [в доме, в ведомстве] у Твердяты, сколько досталось (получено) денег' [Гиппиус, Зализняк, с. 256].

№ 358 (XIV$_2$): «…А сказываи, кому надоби рож ли или ѡ(весъ)…»

Повторимся, что в упомянутой уже «свежей» грамоте № 1188, кроме подлинного вопроса, выраженного обычным вопросительным предложением, также имеется фраза *кажи борзо, комѹ водати*, резюмирующая текст. Таким образом, вопрос в этой грамоте выражен дважды – первый раз прямо, второй раз косвенно. Как будто автор, желавший получить срочный ответ, посчитал недостаточным употребление простой (диалогической) вопросительной формы и добавил более «привычный» в таких случаях косвенный вопрос при императиве.

Косвенные вопросы с вводным императивом типа *пришли (дай) весть*:

Текст с такой формулой мы видели в уже упомянутой грамоте № 736а. 2024 г. дал еще один пример. Это грамота № 1187 (XII): «Отъ Перешькѣ къ Ѧковоу. Се обишьла тѧ-----дослава. А имають и на водоу. Даже сѧ обинить, то --ложити гривьнъ семь. Въздаи же ми вѣсть, съкоупаю ли или огреноусѧ его». Перевод: ‘От Перешки к Якову. Вот, обложила тяжба Дедослава: берут его на испытание водой. Если он будет признан виновным, [придется] заплатить семь гривен. Сообщи же: собирать ли мне [эту сумму] или воздержаться от этого’ [Гиппиус 2025, с. 19].

Очень сложную формулу, выражающую просьбу «написать вестку», содержит грамота № 11132 (XIV_2): «…Да цто бы еси, господи(не), (попеца)лилесь, ци поидеть рать за Волокъ, цто бы вѣстка была напс(ана, бл)устисе ль намъ рати ци не блустись. Азъ тобѣ, своему годину, целом(ъ бью)». Вопрос задан с высочайшей степени почтительностью, свойственной крестьянским челобитным XIV–XV вв. Место императива здесь занимает конъюнктив со значением не столько побуждения к ответу, сколько желательности его получения.

Наиболее частотно употребление косвенных вопросов с вводным императивом типа *напиши (пошли, пришли) грамоту*:

№ 424 (XII_1): «…Продавъше дворъ, идите же сѣмо – Смольньску ли, Кыевоу ли: дешеве ти хлебе. Али не идете, а присъте ми грамотичу, сторови ли есте...»

№ 1144 (XII_2): «Отъ Борицк грамота къ Доброши. На коликѣ хоцеши въдати отрокъ, а въспиши ми грамота». Казалось бы, автор мог остановиться на слове *отрокъ*, но добавил императив, как будто опасаясь, что, не сделай он этого, адресат ответит на него лишь мысленно или вслух, а стоимость услуг отрока так и останется неизвестной.

№ 592 (XIII_2): «…творитсь (о)у тебе, вох(о зап)латилъ. Присли ко мнѣ грамоту и до(пиши), с кымъ будешь пр(ислалъ)».

№ 358 (XIV): «…а ты, Нестере, про чицѧкъ пришли ко мни грамоту, с кимъ будешъ послалъ…»

Осмелимся предположить, что в косвенном вопросе вопросительная часть может не только уходить в зависимую клаузу, но и вообще терять предикацию, превращаясь в дополнение:

№ 854 (XII): «…из ъръмице ка въсп(и)ши ми грамътицю о свъемъ стър(ъ)вье и о дѣтьхъ…»

§ 13. Особый интерес вызывают косвенные вопросы с вводным императивом типа *узнай [и сообщи]*. Такие вопросы предполагают различные варианты сложных коммуникативных цепочек:

№ 1047 (XII_1): «Ѡ Дъмъка къ Сновидови. Попътаи Оуѥча, ѥ ли тоу мои дълженикъ. Али ти ѥстѣ тоу, а възѣми на нѣмѣ дъвѣ гривенѣ. Али ти ѥго нѣ тоу, а тако зе ми възъдаи». В работе [Янин, Зализняк, Гиппиус] содержится два возможных перевода этой грамоты. Основной перевод: ‘От Домка к Сновиду. Поищи Уйца: тут ли [этот] мой должник? Если он тут, возьми с него две гривны. Если его тут нет, то так мне и дай [знать] (т. е. сообщи об этом)’. Менее вероятный перевод первой фразы: ‘Спроси Уйца, тут ли мой должник’. Здесь мы исходим из второго, «менее вероятного» перевода, в пользу которого говорит параллель с грамотой Твер. 2 (о ней см. ниже).

Очевидно, что финальный императив *въздаи* означает ‘въздай вѣсть’, о чем в комментарии к этой грамоте пишет и А. А. Зализняк [Янин, Зализняк, Гиппиус, с. 149].

Похожую структуру, несмотря на разницу в написании около 200 лет, имеет грамота Твер. 2 (XIV_1): «…Увѣдаи, пущаю ли роже новогороцамо безо пакости, ти ты пришли на борзѣ, ти а само ѣду». Перевод: ‘…Узнай, пропускают ли рожь для новгородцев беспрепятственно, [если да], то немедленно пришли [весть], и я сам поеду’ [Зализняк 2004, с. 567]. И точно так же, как и в грамоте № 1047, слово *вѣсть* или *грамоту* здесь лишь подразумевается.

Оба послания начинаются с императива со значением ‘узнай’. Далее следует суть вопроса, на который адресат должен получить ответ. И от того, каким будет ответ, зависит, стоит ли транслировать его автору грамоты.

В грамоте № 717 (XII_2), написанной игуменьей и адресованной Офросинии, вторая часть алгоритма действий, видимо, просто опущена: «…А а ноугене пецалоусѧ цереницами: постригати въ борозе. Томоу даи попытаи, есте ли Мафеї оу манастыри». Перевод: ‘…А я сильно озабочена черницами: скоро постригать. Поэтому давай-ка разузнай, в монастыре ли Мафей (Матфей)’ [Зализняк 2004, с. 396]. По всей видимости, Офросинии и так должно быть понятно, что если Мафей окажется в монастыре, то об этом нужно сообщить игуменье (если не окажется, тоже).

Завершая обзор косвенных вопросов, обратим внимание на еще один текст. В грамоте № 502 тоже фигурирует вопрос, но это не вопрос автора адресату, а предписание задать вопрос третьему лицу и, в зависимости от ответа, предпринять действие, на сей раз точно не связанное с передачей этого ответа автору грамоты. № 502 (XII_2): «Ѿ Мирслава к Олисьеви ко Грициноу. А тоу ти вънидьте Гавъко Полоцанино. Прашаи его, кодь ти на господь витаеть. Ать ти видьло, како ти было а Ивана алъ, постави и пьредъ людьми, како ти взмоловить». Перевод: ‘От Мир(о)слава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко-полочанин. Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями, как он скажет (т. е. перед теми свидетелями, которых он назовет)’ [Зализняк 2004, с. 406].

§ 14. Главное, что мы обнаруживаем, проанализировав вопросительные конструкции в берестяных грамотах, – это практически постоянное несоответствие их семантики и грамматики. Из примерно 30 грамматически выраженных вопросов только два являются подлинными, все остальные – риторические. В то же время истинная вопросительная прагматика находит свое выражение в косвенных вопросах с эксплицированным побуждением к действию, сопутствующему ответу.

Надо полагать, эта особенность продиктована не только практичностью древних новгородцев, но и самим эпистолярным жанром, его отличием от живого диалога. Средневековый автор письма, обращаясь к адресату, не может задать ему вопрос так, как сделал бы это в устной речи, – между ними существует коммуникативный рубеж, связанный с отдаленностью коммуникантов друг от друга. Просто и быстро ответить на вопрос можно в устном диалоге, но не в переписке, где ответ адресата сопряжен с тем или иным действием, иногда с целым комплексом действий, требующих усилий (добыть информацию, написать ее на бересте, найти посыльного и проч.). Приложение этих усилий, в свою очередь, нуждается в дополнительном побуждении, которое и находит свое выражение во вводном императиве. Такой вопросительно-побудительный ход еще до недавнего времени часто встречался в письмах[7], а возможно, где-то встречается и сейчас.

[7] Типичный оборот для обычного письма на бумаге: «Не ленись, напиши мне, как у тебя дела» или «В следующем письме расскажи мне подробнее, как ты живешь на новом месте». И также риторический вопрос, например: «И не стыдно тебе так долго не писать?» В наше время, когда электронная переписка ведется практически в режиме живого диалога, такого рода формулировки кажутся абсолютно избыточными.

При этом риторический вопрос не подразумевает никаких дополнительных действий получателя – ведь речь идет только о его внутреннем ответе самому себе. Поэтому и в берестяной переписке он встречается нам в привычной диалогической форме.

Таков, в целом, наш предварительный взгляд на причины описанных особенностей вопросительных конструкций в берестяных грамотах, дальнейшее исследование которых, возможно, могло бы дать интересные результаты, но выходит за рамки данной работы.

Литература

Бердник Л. Ф. Вопросительно-побудительные предложения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1989. № 2. С. 88–91.

Бобрик М. А. Новые сведения о берестяной грамоте 916 // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 246–256.

Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. М., 2004. Т. 11: (Из раскопок 1984–1989 гг.). С. 183–232.

Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2018 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 47–71. DOI 10.31857/S0373658X0005706-5

Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2021 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2022. № 6. С. 7–20. DOI 10.31857/0373-658X.2022.6.7-20

Гиппиус А. А. Берестяные грамоты из раскопок 2024 г. I. Великий Новгород, Троицкий раскоп // Вопросы языкознания. 2025. № 4. С. 7–41. DOI 10.7868/S303452430373-658X.2025.4.7-41

Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М., 2015. Т. 12: (Из раскопок 2001–2014 гг.). С. 195–275.

Зализняк А. А. Текстовая структура древнерусских писем на бересте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 147–182.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. 872 с.

Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. СПб., 2010. 512 с.

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 22–130.

Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 195–223.

Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте. М., 2015. Т. 12: (Из раскопок 2001–2014 гг.). 288 с.

Wierzbicka A. Genry mowy // Tekst i zdanie / Red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław, 1983. S. 125–137.

References

Berdnik, L. F. Voprositel'no-pobuditel'nye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke. In *Russkii yazyk v shkole.* 1989. No. 2. Pp. 88–91. (In Russ.)

Bobrik, M. A. Novye svedeniya o berestyanoi gramote 916. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii.* 2008. No. 2 (16). Pp. 246–256. (In Russ.)

Gippius, A. A. K pragmatike i kommunikativnoi organizatsii berestyanykh gramot. In *Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. Novgorodskie gramoty na bereste.* Moscow, 2004. Vol. 11: (Iz raskopok 1984–1989 gg.). Pp. 183–232. (In Russ.)

Gippius, A. A. Berestyanye gramoty iz raskopok 2018 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. In *Voprosy yazykoznaniya.* 2019. No. 4. Pp. 47–71. DOI 10.31857/S0373658X0005706-5 (In Russ.)

Gippius, A. A. Berestyanye gramoty iz raskopok 2021 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe. In *Voprosy yazykoznaniya.* 2022. No. 6. Pp. 7–20. DOI 10.31857/0373-658X.2022.6.7-20 (In Russ.)

Gippius, A. A. Berestyanye gramoty iz raskopok 2024 g. I. Velikii Novgorod, Troitskii raskop. In *Voprosy yazykoznaniya.* 2025. No. 4. Pp. 7–41. DOI 10.7868/S303452430373-658X.2025.4.7-41 (In Russ.)

Gippius, A. A., Zaliznyak, A. A. Popravki i zamechaniya k chteniyu ranee opublikovannykh berestyanykh gramot. In *Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A., Gippius, A. A. Novgorodskie gramoty na bereste.* Moscow, 2015. T. 12: (Iz raskopok 2001–2014 gg.). Pp. 195–275. (In Russ.)
Kolesov, V. V. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Saint Petersburg, 2010. 512 p. (In Russ.)
Ostin, Dzh. L. Slovo kak deistvie. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike.* Moscow, 1986. Iss. 17: Teoriya rechevykh aktov. Pp. 22–130. (In Russ.)
Serl', Dzh. Kosvennye rechevye akty. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike.* Moscow, 1986. Iss. 17: Teoriya rechevykh aktov. Pp. 195–223. (In Russ.)
Wierzbicka, A. Genry mowy. In *Tekst i zdanie. Red. T. Dobrzyńska, E. Janus.* Wrocław, 1983. S. 125–137.
Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A., Gippius, A. A. Novgorodskie gramoty na bereste. Moscow, 2015. Vol. 12: (Iz raskopok 2001–2014 gg.). 288 p. (In Russ.)
Zaliznyak, A. A. Tekstovaya struktura drevnerusskikh pisem na bereste. In *Issledovaniya po strukture teksta.* Moscow, 1987. Pp. 147–182. (In Russ.)
Zaliznyak, A. A. Drevnenovgorodskii dialekt. 2nd edition, revised taking into account the findings of 1995–2003. Moscow, 2004. 872 p. (In Russ.)

Sergey V. Bachinsky
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

SEARCHING FOR A GENUINE QUESTION:
ABOUT INTERROGATIVE CONSTRUCTIONS IN BIRCH BARK LETTERS

The study is devoted to interrogative constructions in the texts of Old Russian birch bark letters. The first part of the paper examines the relationship between grammar and semantics of the questions asked on birch bark, the vast majority of which turn out to be rhetorical. An attempt is made to divide interrogative constructions into several semantic types characteristic of the corpus under study, with special attention paid to the words modeling the question. The second part is an overview of grammatically suggestive constructions containing indirect questions and possessing, in the author's opinion, genuine interrogative semantics.
Keywords: birch bark letters, interrogative constructions, a rhetorical question, an indirect question, a genuine question